

С. В. Коростова

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

*Работа представлена кафедрой русского языка и культуры речи
Педагогического института Южного федерального университета*

Статья посвящена теоретическим проблемам эмотиологии, связанным с ее терминологическим аппаратом, а также с приоритетными направлениями в изучении категории эмотивности в русском языке. Рассматриваются различные научные подходы к анализу средств выражения эмоций, определяется место эмотивности в ряду близких понятий – «экспрессивность», «оценочность», «модальность».

Ключевые слова: *функция выражения эмоций, коннотативный компонент значения, оценочность, экспрессивность, субъективное отношение говорящего.*

S. Korostova

EMOTIVENESS AS A FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY: ON THE TERMINOLOGY PROBLEM

The article is dedicated to the problems of emotiology connected with its terminology and primary directions of studying the category of emotiveness in the Russian language. Different scientific approaches to the analysis of means of expressing emotions are considered and the place of emotiveness among the close concepts of “expressiveness”, “evaluativeness” and “modality” is determined.

Key words: *function of expressing emotions, connotative component of meaning, evaluativeness, expressiveness, subjective attitude of the speaker.*

Проблема функционально-семантической категории эмотивности и средств ее выражения становится особенно актуальной в последнее время: в связи с новой антропоцентрической парадигмой лингвистики, в частности с той ее частью, которая охватывает способы выражения и обозначения эмоций в современном русском языке. Определяя эмотивность как семантическую категорию, многие исследователи акцентируют внимание на ее номинативном аспекте, другие считают более важным функциональный, рассматривая разноуровневые языковые и речевые средства ее выражения. Представляется важным изучить имеющиеся точки зрения, чтобы выяснить специфику категории эмотивности и ее отличие от других языковых категорий и единиц.

Терминологическое разнообразие в области эмотиологии, эмотивистики связано прежде всего с синонимичным употреблени-

ем терминов «эмоциональность» и «эмотивность». Известный исследователь эмотивной семантики языка В. И. Шаховский разграничивает эти номинации, рассматривая их в рамках понятийно-терминологического аппарата, обслуживающего различные научные дисциплины: лингвистику, с одной стороны, и психологию – с другой. В одной из своих работ ученый поясняет: «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку **семантическое свойство** выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [23, с. 24]. Несколько иной точки зрения придерживается Л. А. Пиотровская, которая определяет эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной действительности [18, с. 42]. Функциональная значимость категории эмотивности

признается большинством ученых. Имея в виду речевую реализацию функции эмотивности, в иной терминологии – эмоциональную, или экспрессивную функцию, Н. Б. Мечковская пишет: «...если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи» [13, с. 18]. Однако вопрос о прямом выражении эмоций в речи не может быть решен однозначно. Эмоциональное отношение говорящего может быть имплицитовано, либо выражено «в сложной иносказательной форме», на что указывает О. Е. Филимонова [21, с. 10]. Кроме того, субъективно-психологическое отношение человека к содержанию высказывания может быть выражено языковыми средствами, не имеющими отношения к категории эмотивности, но актуализирующими, например, функционально-семантическую категорию персональности (вводно-модальные слова). Нельзя не согласиться с мнением В. И. Шаховского, который считает, что эмотивная функция языковых единиц определена способностью говорящего осмыслить и словесно выразить эмоции, т. е. осуществить выбор конкретной языковой единицы, содержащей эмоциональную информацию.

Вопрос о том, выражается ли эмоциональная реакция говорящего или его эмоциональное отношение к содержанию высказывания, связан, на наш взгляд, с тем, насколько велика доля рационального, когнитивного, осознанного в процессе выбора эмотивной языковой единицы. Еще А. Шлейхер утверждал: «Чувства, восприятия, волеизъявления язык прямо не выражает: язык – не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно делать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [24, с. 92]. Адекватное восприятие психологического состояния говорящего адресатом возможно лишь тогда, когда оно выражено опосредованно: «...речевая системность жанрового типа оказывается бессильной перед непосредственным выражением психологического состоя-

ния человека (в результате попыток такого рода чаще всего порождаются крайне неуклюжие и примитивные тексты)» [9, с. 33].

Строгое разделение смыслового и эмоционального в языке невозможно, на что указывает Г. В. Колшанский: «Поскольку высказывание всегда есть продукт мышления субъекта, оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [11, с. 142]. Таким образом, «оценочный момент» имеет когнитивный характер, тогда как эмоции представляют собой некогнитивную структуру знания.

Шарль Балли говорит о логической и эмоциональной доминантах речевого акта, которые находятся в неустойчивом равновесии друг с другом; однако, если та или иная доминанта окончательно вытесняет все противоположные элементы, то равновесие нарушается, в результате чего появляются две возможности: аффективное содержание поглощается логическим (что имеет место в предложениях, союзах, вспомогательных глаголах) или логическое содержание поглощается аффективным (междометия) [2, с. 182–183]. Между этими крайними случаями находится область трудно расчленимых эмоционально-смысловых созначений, которые еще не были объектом специального научного рассмотрения.

Возвращаясь к вопросу о терминологии, отметим, что многие исследователи отождествляют эмотивную и экспрессивную функции языка. В работах Р. Якобсона находим высказывание о том, что «экспрессивная» или «эмотивная» функция (*emotive function*) имеет целью выражение отношения говорящего к высказыванию [25, с. 350]. Однако существует точка зрения, согласно которой экспрессивная функция связана с выражением мысли, о чем пишет в своих работах В. А. Аврорин, разделяя функции языка и функции речи. Экс-

прессивную функцию языка ученый выделяет наряду с коммуникативной, конструктивной (функция формирования мысли) и аккумулятивной (функция накопления общественного опыта и знаний). Эмотивную же функцию, точнее, эмотивно-волеятативную, В. А. Аврорин считает функцией речи, вводя ее в ряд таких речевых функций, как сигнальная, номинативная, поэтическая, этническая и магическая [1]. На наш взгляд, языковой характер категории эмотивности очевиден: существуют узувальные разноуровневые языковые средства, обладающие свойством эмотивности, о чем убедительно говорит В. И. Шаховский, характеризуя эмотивный компонент значения слова: «...та семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию» [23, с. 8]. Эмотив, по мысли ученого, – это «языковая единица... превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [23, с. 8].

Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней. Текст, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств говорящего. Мысль об изоморфизме слова и текста высказывалась неоднократно. Этого мнения придерживался, в частности, Ю. М. Лотман, считая минимальными текстами комбинации морфем в словах или отдельных морфем. Об изоморфизме структуры значения слова и высказывания, о том, что в слове вычленяется идентифицирующее (или классифицирующее) основание (тема) и ассертивная часть (рема), в 1975 г. писал Ю. С. Степанов. В качестве такой ассертивной части может выступать эмотивно-оценочная коннотация, входящая в его семантическую структуру, т. е. эмотивный компонент значения, который выделяет В. Н. Телия, Е. М. Вольф, В. И. Шаховский и другие ученые.

Терминологическая путаница возникает, по нашему мнению, и тогда, когда эмотивная функция языковых единиц, способствующих созданию эмотивного речевого акта, называ-

ется эмоционально-экспрессивной, что мы находим в работах Н. Б. Мечковской. Принимая ее утверждение о том, что «основным средством выражения эмоций в речи является интонация», мы не можем согласиться с тем, что эмоции выражаются только «с помощью междометий и (значительно в меньшей мере) словами с эмоционально-экспрессивной коннотацией» [13, с. 18]. В терминологии происходит смешение психологических и речеведческих понятий, а также сужается сфера действия эмотивной функции, которая характерна для языковых средств различных уровней. Кроме того, интонация, как известно, создается за счет определенных синтаксических конструкций, прагматическая направленность которых и состоит в возможности выражения эмоционального отношения говорящего к содержанию высказывания (имеются в виду восклицательные предложения, риторические вопросы и т. п.).

Внимание лингвистов к коннотативному аспекту значения языковых единиц определило стремление к разграничению понятий «эмотивность» и «экспрессивность» в семантических и стилистических исследованиях. Дискуссия, развернувшаяся в 1980–1990-е гг. в отечественном языкознании, показала, что позиции оппонентов, выступающих против синонимичности данных понятий, основаны на дихотомии языка и речи (В. Н. Телия, М. Н. Кожина, И. Р. Гальперин и др.). Эмоциональность, рассматриваемая как психолингвистическая категория, «находится в одном ряду с интеллектуальным и волевым», по мнению Е. М. Галкиной-Федорук [7, с. 107], при этом именно эмоциональность (то же, что эмотивность) является компонентом структуры языковой единицы и не способна нейтрализоваться в контексте. Таким образом, делается вывод (и с ним отчасти нельзя не согласиться) о том, что эмоциональность проявляется в речи, но изначально присуща языковой единице. Однако как быть с теми языковыми единицами, которые актуализируют категорию эмотивности лишь в тексте, в речи, обладают потенциальной эмотивностью, и с теми, эмотивно-оценочный компонент семантической структуры которых все

же имеет тенденцию к нейтрализации в контексте.

Экспрессивность как семасиологическую категорию, с точки зрения В. И. Шаховского, М. Н. Кожинной и других ученых, следует отличать от речеведческого понятия, или экспрессивности стилистической, которая трактуется как «наилучшая реализация языковыми единицами в речи ее коммуникативных задач» [10, с. 13]. Уточняя понятие экспрессивности слова, В. И. Шаховский полагает, что она может идти от денотата (например, *кляча*) или от говорящего (например, *драндулет*), т. е. быть денотативной или денотативно-коннотативной. Примечательно, что экспрессивность как аспект семантики языковой единицы имеет ряд составляющих, которые, как нам представляется, можно квалифицировать как облигаторные коннотативные семы, реализующиеся полностью или частично в речи: интенсивность, оценочность, образность, эмотивность.

Имея в виду прагматический аспект понятия экспрессивности, исследователи (В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, Е. М. Галкина-Федорук и др.) утверждают, что основой теории экспрессивности является понятие выбора. Экспрессивность языковых единиц, в том числе и текста, определяется оппозицией к нейтральным компонентам, которая реализуется в речи. Представляется, что такое понимание экспрессивности как результата употребления эмоциональных языковых единиц в речи, вполне объясняет ее синонимичность понятию интенсивности.

По мнению В. И. Шаховского, языковые средства выражения категории эмотивности представляют собой определенную систему, поле, в центре которого располагаются разноуровневые элементы, в семантике которых преобладает эмотивно-оценочный компонент. Думается, на периферии могут находиться единицы, обладающие потенциальной эмотивностью, а также те эмотивы, компоненты коннотации которых могут нейтрализоваться в контексте. Это предположение не противоречит системоцентрическому подходу к анализу языковых явлений, так как

предполагает полисистемный анализ языкового материала. Этот анализ имеет первостепенное значение в разработанной А. В. Бондарко модели функциональной грамматики. Именно «системно-интегрирующий на функциональной основе» [3, с. 7], или полисистемный анализ, охватывает элементы разных уровней и аспектов языка. Этот тип анализа лег в основу выделения функционально-семантических полей, в составе которых выступают разноуровневые единицы, классы и категории, объединенные общностью семантических функций. Базой для такой общности является семантическая категория. Категория эмотивности отвечает всем названным критериям, на что указывал в своих работах В. И. Шаховский: «Эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотивность, как установлено, имеет формальное выражение на всех «этажах» языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение – центр – периферия и пр.» [23, с. 112–113]. Ученый рассматривает категорию эмотивности на уровне лексико-семантического поля, которое, по его мнению, является одной из микросистем функционально-семантического поля эмотивности.

Эмотивность достаточно полно исследована именно на лексическом уровне языка, хотя в вопросе определения специфики эмотивного компонента в семантической структуре слова существует несколько точек зрения. Большинство ученых считает, что эмотивная сема является компонентом коннотации и лишь сопутствует денотативному компоненту значения слова (Стернин, 1979; Шаховский, 2008; Вольф, 2006 и др.). Однако объем понятия «коннотация» в разных концепциях варьируется. Некоторые лингвисты (Филиппов, 1978; Стернин, 1979) относят к коннотации эмотивный и стилистический компоненты значения слова, другие – только эмотивный компонент (Ризель, 1978).

Исследования средств актуализации категории эмотивности на синтаксическом уровне связано с коннотативным значением высказывания, которое наслаивается на его семную структуру (Вольперт, 1979, Пиотровская, 1993). Еще Шарль Балли отмечал принадлежность эмотивного значения модусу высказывания, т. е. включал его в категорию субъективной модальности [2, с. 43–54].

В современной лингвистике термин «эмотивность» используется и как синоним понятия «оценочность». Рассматривая оценку как модальность, Е. М. Вольф выделяет признаки оценочного отношения субъекта к объекту: «Эти признаки следующие – «эмотивность», или оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо» [6, с. 12]. Е. М. Вольф считает, что в большинстве случаев эмотивность как аспект оценки неотделима от обозначения свойств объекта, отношения субъекта к объекту: «Эмотивность выступает на первый план в оценочных выражениях типа *Какая прелесть!*, в высказываниях, включающих аффективные слова вроде *прекрасный, отличный, скверный, дрянной*. Большинство слов-оскорблений также включает прежде всего эмотивный компонент оценки: *Так, болван!* – в первую очередь говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о свойствах последнего. Важно, однако, подчеркнуть, что эмотивность имеется во всех оценочных выражениях, отражая присутствие в них субъекта...» [6, с. 38–39]. Таким образом, ученый делает весьма важный, на наш взгляд, вывод о том, что эмотивность всегда одновременно выражает и оценочность, т. е. средства актуализации категории эмотивности являются одновременно и способами выражения оценки. Однако оценка может включать и рациональный компонент, причем он преобладает, если в высказывании используются предикаты мнения. В этом случае эмотивность нейтрализуется, даже если используются аффективные слова, слова с эмотивным компонентом семантики (ср. *Какой отвратительный тип!* – *Я считаю его отвратительным*). Та же точка зрения на эмотивность изложена в работах Т. В. Романовой, которая пишет: «Конкрет-

ные эмоции человека являются большей частью аксиологически релевантными, а слова, их манифестирующие в языке, носят оценочный характер» [17, с. 129].

По мнению Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечая, эмотивность имеет как узуальный, так и ситуативно-речевой характер. В качестве аргументов ученые приводят словарные толкования эмотивов (например, *рыло (о лице), дружище* и т. п.), их употребление в речи и восприятие как эмотивных носителями языка вне контекста [4, с. 46]. Иную точку зрения находим в работах Н. А. Лукьяновой, которая считает, что эмотивность может не иметь языкового статуса, но в контексте и в определенной речевой ситуации выражать эмоциональное отношение говорящего к предмету речи [12, с. 60].

Представленные теоретические положения не противоречат сущностным свойствам семантических категорий, которые, по утверждению А. В. Бондарко, представляют собой «универсальные («надязыковые») константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [3, с. 23]. Таким образом, являясь основой поля, функционально-семантическая категория эмотивности – одна из коммуникативных категорий языка, важный компонент его прагматики, так как отражает субъективные смыслы и отношения говорящих. Коммуникативная доминанта в функционально-грамматических исследованиях актуализирует прагматические аспекты анализа категории эмотивности. «Эмотивность, – утверждает В. И. Шаховский, – является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы – специальные средства всех этажей языка» [23, с. 5]. Выделяя две ипостаси эмотивности как функционально-семантической категории, основной функцией которой является выражение эмоций, ученый разграничивает прагматическую составляющую категории, связанную с субъективным отношением гово-

рящего к объекту оценки, которая всегда экспрессивна, и эмотивность как компонент коннотативной семантики слова, высказывания, текста. Причем выделенные компоненты различаются онтологически: если эмотивность первого типа регулярно пересекается с функционально-семантической категорией оценочности и субъективной модальности, то эмотивность второго типа имеет узуальный характер и может актуализироваться или нейтрализоваться в речевом контексте.

Говоря о тесной взаимосвязи категорий оценочности и эмотивности, признаваемой большинством исследователей, следует определить сущность отношений между ними. В работах Е. М. Вольф (1985), В. Н. Телия (1986) эмотивность рассматривается как факультативная часть оценочности. Действительно, аксиологическая оценка по признаку *хорошо/плохо* не имеет отношения к выражению эмоций, так как является оценочным рациональным суждением. Если оценочное суждение выполняет воздействующую функцию, то сами эмоции, испытываемые говорящим, лишь сигнализируют о его внутреннем психологическом состоянии, его реакции на ситуацию.

Рассматривая эмоциональность как текстовую категорию наряду с модальностью и оценкой, Т. В. Романова относит эмоциональную оценку к составляющим субъективной модальности, утверждая, что «модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире» [17, с. 16]. Нельзя не согласиться с такой трактовкой категории модальности, хотя представляется более ло-

гичным сравнение с модальностью как категорией языка не эмоциональности как психолингвистической, а эмотивности как языковой категории, в функции которой и входит выражение эмоционального отношения к предмету речи и объекту оценки. Значимым является утверждение ученого о дифференциации двух видов текстов: цель одного – выражение эмоций, это эмотекст, т. е. эмотив (по В. И. Шаховскому), цель другого – эмоциональная оценка. Причем понятие эмоциональной оценки связано, по мнению Т. В. Романовой, с описанием чувств-отношений или чувств-состояний, так как в этом случае эмоции выражены опосредованно.

По мнению Г. П. Немца, причиной, вызывающей эмоции более или менее высокого порядка, которые несут информацию о внешнем мире, является не физический объект, а оценочное суждение о нем. Это утверждение дает автору основания для трактовки эмоций как суждений [14, с. 243–244]. Такое положение, на наш взгляд, верно лишь для тех эмотивных высказываний, которые не являются непосредственной реакцией на ситуацию, но имеют опосредованный характер, отчасти рационалистический, более осознанный. Аффективные речевые акты, в которых реализуется эмотивность первого типа (по В. И. Шаховскому), как представляется, не всегда предполагают когнитивный процесс оценивания и формирования суждения.

Эмоции преимущественно импульсивны, поэтому не требуют осмысления при восприятии. Эмоциональность в непосредственном дискурсе как динамической структуре диалогического взаимодействия может иметь лишь паралингвистические средства выражения (мимика, жесты), которые интерпретируются как особая знаковая система, отражающая эмоциональный сценарий и опирающаяся на конкретную коммуникативную ситуацию. Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей

действительности, чем непосредственно из самой действительности» [15, с. 318]. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. При этом в каждой конкретной эмоциональной ситуации, в отличие от коммуникативной ситуации, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Более того, чем выше степень истинности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции. Кроме того, когнитивный момент в эмоциональном сценарии не является «неизбежно осознанным» [15, с. 321]. Условие существования эмоции – ее непреднамеренность. Вопрос о восприятии эмоционального состояния в коммуникативной ситуации, по нашему мнению, менее всего связан со способом репрезентации эмоций (вербальным или паравербальным).

Подводя итоги анализа терминосистемы эмотивистики, следует признать, что эмотивность как функционально-семантическая категория не нашла в известных исследованиях

полного и адекватного самой проблеме отражения. Терминологическое разнообразие в системе средств выражения категории эмотивности и в номинации самой категории связано с различными подходами к исследованию, что и определило синонимичность понятий «эмотивность» – «эмоциональность» – «экспрессивность» – «оценочность» – «модальность». Само понятие эмотивности, помимо основного статуса – языковая, функционально-семантическая категория – рассматривается учеными то как семантическое свойство, присущее языку, то как функция языковых единиц, то как компонент коннотативного значения, то как речеведческое понятие.

Представляется важным утверждение, что эмотивность как функционально-семантическая категория языка, выражающая, а не описывающая эмоции человека, актуализируется в речи посредством ядерных и периферийных компонентов, расположенных на разных уровнях языковой системы, т. е. является базовой категорией для формирования функционально-семантического поля, исследование которого остается актуальной задачей эмотиологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975. 276 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 394 с.
3. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004. 208 с.
4. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 277 с.
5. Вольперт Р. Х. Коннотативный уровень описания грамматики. Рига, 1979. 159 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2006. 280 с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сборник статей по языкознанию. М., 1958. 199 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1974. 148 с.
9. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов, 2002. Вып. 3.
10. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. 210 с.
11. Колиманский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
12. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5. 160 с.
13. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2000. 208 с.

14. *Немец Г. П.* Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов-на-Дону: РГУ, 1989. 144 с.
15. *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. 416 с.
16. *Ризель Э. Г.* К вопросу о коннотации: сб. науч. тр. МГПИ им. М. Тореца. М., 1978. Вып. 125. С. 9–19.
17. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 310 с.
18. *Пиотровская Л. А.* Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 28–29.
19. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж. 1985. 170 с.
20. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 143 с.
21. *Филимонова О. Е.* Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: монография. СПб., 2001. 259 с.
22. *Филиппов А. В.* К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57–64.
23. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
24. *Шлейхер А.* Немецкий язык (извлечения) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1.
25. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. 470 с.

SPISOK LITERATURY

1. *Avrorin V. A.* Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki). L., 1975.
2. *Balli Sh.* Frantsuzskaya stilistika. M., 1961. 394 s.
3. *Bondarko A. V.* Teoreticheskiye problemy russkoy grammatiki. SPb., 2004. 208 s.
4. *Buyanova L. Yu., Nechay Yu. P.* Emotivnost' i emotsiogenost' yazyka: mekhanizmy eksplikatsii i kontseptualizatsii: monografiya. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t, 2006. 277 s.
5. *Vol'pert R. Kh.* Konnotativny uroven' opisaniya grammatiki. Riga, 1979. 159 s.
6. *Vol'f E. M.* Funktsional'naya semantika otsenki. M., 2006. 280 s.
7. *Galkina-Fedoruk E. M.* Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazy-ke // Sb. st. po yazykoznaniiyu. M., 1958. 199 s.
8. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M., 1974. 148 s.
9. *Dement'ev V. V.* Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeystviya // Zhanry rechi: sb. nauch. st. Saratov, 2002. Vyp. 3.
10. *Kozhina M. N.* O yazykovoy i rechevoy ekspressii i eyo ekstralingvisticheskom obosnovanii // Problemy ekspressivnoy stilistiki. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov. un-ta, 1987. 210 s.
11. *Kolshanskiy G. V.* Sootnosheniye sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke. M.: Nauka, 1975. 231 s.
12. *Luk'yanova N. A.* O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost', emotsional'nost', otsenochnost' // Aktual'nye problemy leksikologii i slo-voobrazovaniya. Vyp. 5. Novosibirsk, 1976. 160 s.
13. *Mechkovskaya N. B.* Sotsial'naya lingvistika. M., 2000. 208 s.
14. *Nemets G. P.* Semantiko-sintaksicheskiye sredstva vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke. Rostov-na-Donu: RGU, 1989. 144 s.
15. *Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A.* Kognitivnaya struktura emotsiy // Yazyk i intellekt: sb. M.: Progress, 1996. 416 s.

16. *Rizel' E. G.* K voprosu o konnotatsii: sb. nauch. tr. MGPI im. M. Toreza. 1978. Vyp. 125. S. 9–19.
17. *Romanova T. V.* Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost': monografiya. Nizhniy Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008. 310 s.
18. *Piotrovskaya L. A.* Vzaimodeystviye emotsional'noy i ratsional'noy otsenki v protsesse porozhdeniya rechi // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodny kongress issledovatelye russkogo yazyka: trudy i materialy / sostaviteli M. A. Remneva, A. A. Polikarpov. M.: MAK Press, 2007. S. 28–29.
19. *Sternin I. A.* Leksicheskoye znachenije slova v rechi. Voronezh, 1985. 170 s.
20. *Teliya V. N.* Konnotativny aspekt semantiki nominativnykh edinit. M., 1986. 143 s.
21. *Filimonova O. E.* Yazyk emotsiy v angliyskom tekste. Kognitivny i kommunikativny aspekty: monografiya. SPb., 2001. 259 s.
22. *Filippov A. V.* K probleme leksicheskoy konnotatsii // Voprosy yazykoznanija. M., 1978. N 1. S. 57–64.
23. *Shakhovskiy V. I.* Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. M.: Izd-vo LKI, 2008. 208 s.
24. *Shleykher A.* Nemetskiy yazyk (izvlecheniya) // Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. M., 1960. Ch. 1.
25. *Yakobson R.* Lingvistika i poetika // Strukturalizm «za» i «protiv». M., 1975. 470 s.